

СЛОВА Ў МАСТАЦКІМ ТЭКСЦЕ ЯК АБ'ЕКТ ФІЛАЛОГІІ І МЕТОДЫКІ

УДК 82.0

И. И. Анищук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

АНАГРАММА В СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ «РИМСКОГО ТЕКСТА» РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА)

Введение. В лингвопоэтических исследованиях анаграмма традиционно определяется как один из способов семантизации фонических фигур в стихотворной речи наряду с оноματοпеей, кинетической инструментальной и звуковым символизмом. Анаграмма (фр. *anagramme* < греч. *ана* пере-; *грамма* письменный знак, буква) предполагает повторы отдельных звуков (фонем) и их комбинаций (в других терминологических системах — графофонем, фонографем, звукобукв [1]), которые воспроизводят центральное в смысловом отношении слово поэтического текста. Причем анаграммируемое слово может отсутствовать в лексическом массиве текста, но имплицитно называться посредством фонических элементов, рассредоточенных по всему поэтическому пространству. В этом отношении показателем акростиха — анаграмма с фиксированным местоположением и установленной последовательностью элементов фонической цепи, моделирующих ключевое слово. Последнее шифруется инициальным звуком (фонемой) каждого стиха и в графическом пространстве текста реконструируется для чтения по буквам краевой вертикали.

Основателем теории анаграммы по праву считается Ф. де Соссюр. В рамках занятий индоевропейской поэтикой и древнеиндийскими теориями языка швейцарский лингвист выдвинул гипотезу о существовании поэтического закона создания сакральных текстов, общего для санскритской, раннелатинской, древнегреческой, древнегерманской и других индоевропейских традиций. Согласно Ф. де Соссюру, древнеиндоевропейские поэтические тексты строились в зависимости от звукового (фонологического) состава ключевого слова, чаще всего имени Бога. Лексически текст организовывался таким образом, чтобы в звуковом (фонологическом) оформлении слов с определенной закономерностью повторялись звуки (фонемы) теонима. По табуистическим соображениям само имя отсутствовало в словарном составе текста, но воссоздавалось всей его фонической структурой. Учёный высказывал предположение о том, что «основанием для появления анаграмм могло быть религиозное представление, согласно которому обращение к Богу, молитва, гимн не достигают своей цели, если в их текст не включены слоги имени Бога» [2, с. 642].

Ф. де Соссюр обнаружил анаграмматические структуры в ведийских гимнах «Ригведы» и в древнеримских сатурнических стихах, а также в художественных текстах поздних римских авторов Лукреция и Вергилия, испытавших, по мнению ученого, влияние анаграмматически построенных греческих текстов Гомера. Именно со второй половины XX века, с момента посмертного опубликования учениками Ф. де Соссюра серии записей языковеда об анаграммах, датирующихся еще 1906—1909 годами, анаграмматически построенные тексты приобрели значимость в качестве объекта лингвопоэтического анализа [2; 3].

Основная часть. В контексте анаграмматических исследований определённый интерес представляет так называемый римский текст, название которого мотивировано тематически — текст о Риме, вернее, о судьбе Рима. Начало «римскому тексту» было положено «Энеидой» Вергилия, который оформил ядро темы и круг образующих её мотивов, а также актуализировал древнейший способ соотношения значения и звучания при построении текста — анаграмму. Понятие «римский текст» определяется наличием общих и существенных признаков семантической и фонической организации множества стихотворных и прозаических текстов (в том числе мемуаров и эссе), которые принадлежат разным авторам и национально-литературным традициям, но восходят к одному пратексту — «Энеиде» Вергилия (Проперций, Овидий, Намациан, Тит Ливий, Тацит, А. Данте, А. Грифиус, Дж. Байрон, Ж. Ампер, И. В. Гёте, У. Патер, Вернон Ли, Г. Валет и др.).

В плане содержания на семантическом уровне римская тема складывается из целого ряда мотивов: 1) мотив Рима как образа мира: Рим не просто город, но центр мира, который стремится стать миром, Римской империей, *pax Romana*, расширяющейся до размеров Вселенной (*Roma/urbs/orbis/imperium*); 2) мотив сужения Рима до размеров домашнего очага, жилища (*Roma/domus*); 3) мотив насильственного расставания с Римом, приравненного к смерти: уйти из Рима — значит уйти из мира, из жизни (*Roma/morte*); 4) мотив первенства, первоначальности Рима: Рим — первый по времени, независимо от наличия более древних городов, и первый по своим достоинствам (*Roma/primus*); 5) мотив сакрализации имени вечного города: согласно герменевтическим изысканиям, имя должно

читаться понтификальным способом — справа налево, при этом *Roma* из 'силы' (от греч. ῥωμη — сила; в дорийском диалекте ῥωμια сила) превращается в 'любовь' (от лат. *amor*); б) мотив исторического назначения Рима, связанный с предыдущим мотивом через осмысление имени: «Ты же, римлянин, помни державно править народами, и будут искусства твои: налагать обычаи мира, щадить покорённых, а заносчивых смирать оружием» [3, с. 133], другими словами, действовать любовью и действовать силой (*Roma/amor*); 7) мотив Рима-человека, его места и функции в мире, где должен господствовать нравственный закон (*Roma/moralis*); 8) мотив Рима как духовной родины, цели духовного паломничества (*Roma/patria*); 9) мотив памяти: «предпамять», забота о Риме до его основания, а также забвение или ностальгия по Риму (*Roma/memor, memoria*).

Данные мотивы вводятся в римоцентричный текст словами, в звуковом (фонологическом) оформлении которых наличествуют элементы слова, называющего сверхидею текста, — *Roma*. Таким образом, в плане выражения, на фоническом уровне отдельные фрагменты и «римский текст» в целом характеризуются повышенной частотностью консонантно-вокалических элементов *r, m, o, a* и их комплексов, моделирующих слово-доминанту — *Roma*.

«Римский текст» Вергилия явился прецедентным и для ряда русских поэтов XIX века: Е. А. Баратынского, Д. В. Веневитинова, П. А. Вяземского, М. Ю. Лермонтова, А. Г. Майкова, К. К. Павловой, Я. П. Полонского, А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева и др. Предлагаем некоторые наблюдения и фоносемантический анализ «римского текста» русской поэзии XIX века.

1. Семантической доминантой «римского текста» выступает связь имени и судьбы города с его историческим назначением. Русскоязычная редакция «римского текста» не является исключением. Имя города оказывается для русских поэтов семантическим и фоническим центром текста. Мотивы римской темы транслируют слова, которые выступают носителями сем «город», «мир», «дом», «родина», «сила», «любовь», «время», «вечность», «смерть», «память», «закон», «честь», «путь», «первый» и фонически резонируют с ключевым словом *Рим* (с ориентацией на латинский аналог — *Roma*).

В плане выражения слов и словоформ наблюдается заметное увеличение количества согласных фонем <р>, <м> (без учёта палатализации) и гласной <и>, а также с ориентацией на латинское имя *Roma* фонем <о>, <а>: *взирать, враги, времена, всемирный, гроб, громады, громкий, древний, играм, край, крамола, крепким, крестом, криком, лицемерил, любим, мертвецы, к муренам, народам, обременённый, огромный, осторожно, первого, к переменам, пилигрим, позор, прахом, предки, родной, сброд, скромный, смотрит, старых, страх, тигр, умирать, упрямо, химеры, эфир*. Фоническим курсивом *р-и-м* (*р-о-м-а*) выделяются слова, обозначающие важнейшие атрибуты Рима: *адвокатура, водопроводы, гетеры, гордость, камни, кесарь, кровь, кумир, меч, мрамор, оратор, отравы, память, пир, претора, разврат, разум, руины, самоубийство, смерть, торговля, триумвират, триумф, фамилии, форум, храм, цирк*. Показательно присутствие элементов данного фонического узора в именах собственных: *Буривой, Дидима, Кориолан, Корсо, Марцелл, Мениппа, Миртилл, Мона, Нерон, Пальмира, Помпоний, Прометей, Руфия, Спартак(ом), Харидем, Цезарь*.

2. Областью функционирования и соответственно обнаружения анаграмматической структуры выступают контексты разной величины. Анаграмма *Рим* (*Roma*) зафиксирована в стихе (а), в двух соседних стихах (б), в строфе (в), в пограничных стихах смежных строф (г): а) *Прости, развратный Рим, — прости, о край родной!* (М. Ю. Лермонтов); а) *О Рим! о гордый край разврата, злодеянья!* (А. С. Пушкин); б) *По смерти Цезаря ты с Римом скорбь делил. // Кровавым облаком чело твоё покрыл...* (Д. В. Веневитинов); б) *И Рим я не забыл!.. // Обломки красные среди рощи кипарисной...* (А. Г. Майков); б) *Грозней тебя был Рим великой, // Царь семихолмного хребта...* (А. С. Хомяков); в) *Блаженствуй, Рим! Пируй по праву // Ты от зари и до зари, // Со всей земли себе в забаву // Дань беспощадную бери.* (К. К. Павлова); г) <...> *И для начала выбрал вольный Рим. // Над ним в венцах орлы-мечты играли* <...> (Я. П. Полонский).

3. Произведения русских поэтов аккумулируют многие мотивы, ставшие общим местом «римского текста». На наш взгляд, одним из магистральных в русской вариации римской темы является мотив исторической миссии *Рима*, расширяющего свои границы до размеров *мира* с целью политического и духовного верховенства над ним ради *мира*: *Рим* становится *миром*, и *мир* — *Римом*. Толкование этого восходящего к Вергилию мотива находим у М. Л. Гаспарова: «Римляне — народ избранный, но не потому, что он лучше других, а потому, что он способен поддерживать мирное единство остальных народов» [3, с. 133].

Мотив *Рим* — *мир* становится своеобразной формулой в русскоязычной поэтической традиции, где название Рима и слово, обозначающее 'земной шар, а также люди, население земного шара', в формальном плане представляют собой зеркальные фонические последовательности. Обыгрывание пары *Рим* — *мир* в русском тексте обогащается за счет явления омонимии. Кроме упомянутого выше, употребляется иное слово *мир* в двух значениях: 'согласие, отсутствие вражды, ссоры, войны' и 'спокойствие, тишина' (в языке русских поэтов XIX века функционируют как омофоны *мир* и *мир*). В русской редакции «римского текста» слова *Рим* и *мир* взаимонаграмматичны, имеют одно поле анаграмматических реализаций, один способ своего синтезирования. Появление в текстовом сегменте слова *мир* и производных от него формирует по своему подобию все фоническое пространство, подразумевая имплицитное присутствие *Рима*,

и наоборот: (а) *Единство в мире водворилось...* (А. Н. Майков); (а) *В развалины распался древний мир...* (С. П. Шевырев); (б) *Народы от тебя, волнуясь, трепетали, // Тобой исписаны всемирные скрижали...* (П. А. Вяземский); (б) *Что значит Рим и все предания, // Обломки славы мировой...* (Я. П. Полонский); (г) <...> *Проходит зримый образ мира, // Но, Деций, мир не погубить // Пришёл Христос, а словом мира // В любви и правде возродить <...>* (А. Н. Майков); (г) <...> *Смущают краткий мир души. // Вокруг светло. На праздник Рима <...>* (А. А. Фет).

Русские поэты XIX века культивируют новые мотивы, сопряжённые с мотивом назначения Рима в мире: мотив падения, гибели древнего, языческого Рима и мотив спасения, рождения нового, христианского Рима через преосуществление его всемирной власти. Резюме этих мотивов дается в следующих анаграмматически построенных фрагментах: (б) *Здесь двух миров и гроб, и колыбель // Здесь нового святое зароженье* (С. П. Шевырев); (в) *Бред, говоришь ты? Но уж Рим, // Уж мир исполнен бредом этим! // Уж мы на рубеже стоим, // И в Риме уж теперь два Рима. // Здесь – этот Рим; уж он как тень, // Теперь, как призрак... Близок день, — // И он рассеется... и новый // Откроет Рим* (А. Н. Майков).

4. В отличие от архаичной техники анаграммирования в сакральных текстах, слово-тема *Рим* вводится русскими поэтами в лексический массив текста как индекс римской темы, сигнализирующий о возможности (или необходимости) формирования в ближайшем окружении анаграмматического поля и появления анаграмматической структуры. Подобное эксплицитное и имплицитное употребление слова-доминанты в анаграмматически построенном «римском тексте» было канонизировано еще Вергилием. Таким образом, сказанное известным исследователем анаграмм В. Н. Топоровым в отношении «Энеиды» оправданно можно спроецировать на ряд поэтических произведений русских авторов: «Тень и отзвуки Рима повсюду» [4, с. 198].

В русской поэзии наблюдается тенденция к редупликации ключевой лексемы в пределах небольшого фрагмента текста: (б) *Как сладко дремлет Рим в ее лучах! // Как с ней сроднился Рима вечный прах!* (Ф. И. Тютчев); (в) *Но для нас, // Для старых римлян, для фамилий, // Которых с Римом жизнь слилась, // Которых предки Риму были // Отцами и которых дух // Из рода в род передавался // И держит Рим, — уж то нейдёт // Сравненье!.. В Рим теперь собрался // Со всей Вселенной всякий сброд* (А. Н. Майков).

Отсутствие ключевой лексемы в словаре текста зафиксировано нами в стихотворении К. К. Павловой «Рим». Показательно преднамеренное табуирование поэтом слова-темы *Рим*: анаграммируемое слово исключается автором из лексического массива шести строф произведения, но эксплицируется в заглавии как в сильной позиции текста. Вынесенное в название, слово *Рим* подразумевается фабульным и концептуальным содержанием текста и выступает индексом анаграмматической информации: (в) *Мы едем поляною голой, Не встретясь с живою душой; // Вдали, из-под тучи тяжёлой, // Виднеется город большой. // И, будто б его называя, // Чрез мертвой пустыни предел // От неба стемневшего края // Отрывистый гром прогремел.*

5. Русские поэты используют редкий приём конструирования иноязычной анаграммы. Наряду с русским эквивалентом имени *Рим* анаграммируется исконная латинская форма *Roma* с помощью фонологических элементов русского языка, что дает возможность расширить фоносемантическое поле введением в словарь контекста большего количества лексем. Анаграмматический билингвизм рождает дополнительные семы и тем самым обогащает семантику поэтического сообщения: (а) *И Рима древнего священные громады...* (А. Г. Майков); (б) *Он всем народам илёт владык // И в Рим увозит их святыни...* (А. А. Фет); (б) *Бросая гроб на гроб, свергая храм на храм, // Остатки гордые являют Рима нам...* (Е. А. Баратынский); (б) *Когда в тебе, веками полный Рим, // По стогнам гром небесный пробегаёт...* (С. П. Шевырев).

6. Значимыми представляются случаи вынесения слова *Рим* в фонически, ритмически и семантически сильную позицию рифмы: *Рима — зрима, Рим — твоим* (Е. А. Баратынский); *Рим — самим, Рима — дыма, в Риме — диадима, Рим — стоим* (А. Н. Майков); *Рима — мимо, Римом — пилигримом* (К. К. Павлова); *Рим — неистоцим, Рим — невредим, Рим — любим, Рим — дым, Рим — пустым, Рим — томим* (Я. П. Полонский); *в Риме — неутолимей; Рим — им* (Ф. И. Тютчев); *Рима — неизмерима, Рима — невыразима, Рим — своим, Рима — незрима* (А. А. Фет).

7. В русской стихотворной речи XIX века фонические повторы, моделирующие слово *Рим* (*Roma*), представляют собой разные квалитативно-квантитативные типы аллитераций и ассонансов. В комбинаторном отношении они выступают структурами разных типов: изоморфные *любим, пилигрим, гром, громада, имя*; метатетические *пир, храм, всемирный, мрачный, криком*; эпентетические *времена, древний, прогремел, играли*; метатетико-эпентетические *мертвецы, форум, прахом, тигр, народам*. Ряд фонических структур образуют паронимические аттрактанты: с ориентацией на русский облик ключевого слова *Рим — пилигрим, Рим — времена, Рим — мирской, Рим — умирает, Рима — неизмеримо*; на латинский корень *Roma — грома, Roma — громада, Roma — мёртвый, Roma — огромный, Roma — мрамор, Roma — прахом*.

8. В дистрибутивном аспекте анаграмма *Рим* (*Roma*) выступает фонической цепью, компоненты которой рассредоточены в пределах анаграмматического контекста, но собираются в единый комплекс, который репрезентирует слово-тему. Тем самым в стихотворной речи модифицируется выдвинутый Ф. де Соссюром и канонизированный затем в лингвистике принцип линейности и непрерывности означающего.

Заключение. Проведённые исследования показывают, что «римский текст» с многовековой историей представляет собой динамическое образование. Римская тема обогащается с созданием новой вариации, с введением нового мотива. Древняя анаграмматическая техника развивается посредством использования новых приёмов, обусловленных особенностями национальных поэтических систем, в рамках которых продолжает жить «римский текст». Так, русская редакция «римского текста» индуцировала новые смыслы и показала новые возможности их фонической реализации средствами русского языка в стихотворной речи XIX века.

Список цитируемых источников

1. *Амирова, Т. А.* Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка / Т. А. Амирова. — М.: Наука, 1985. — 286 с.
2. Отрывки из тетрадей Ф. де Соссюра, содержащих записи об анаграммах // Тр. по языкознанию / Ф. де Соссюр. — М.: Прогресс, 1977. — С. 639—647.
3. *Гаспаров, М. Л.* Вергилий, или Поэт будущего / М. Л. Гаспаров // Избр. тр. : в 3 т. — М.: Языки русской культуры, 1997. — Т. 1 : О поэтах. — С. 111—135.
4. *Топоров, В. Н.* К исследованию анаграмматических структур (анализы) / В. Н. Топоров // Исслед. по структуре текста. — М.: Наука, 1987. — С. 193—238.
5. *Иванов, В. В.* Очерки по предыстории и истории семиотики (Теория анаграммы в индоевропейском стихе) / В. В. Иванов // Избр. тр. по семиотике и истории культуры. — М.: Языки русской культуры, 1998. — С. 617—627.

Материал поступил в редакцию 01.03.2014 г.

УДК 882. 6. 09 (091)(075.8)

Е. И. Беляя, кандидат педагогических наук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СОЦИАЛЬНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В «ЗАПИСКАХ КАВАЛЕРИСТА» НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

Введение. Пространство и время образуют основной контекст течения человеческой деятельности, смысл которой опредмечивается в результатах, означивается в системе языка и становится элементом культуры. Социальное время и пространство характеризуют социальное бытие именно как процесс сочетания и смены деятельностей людей. Творчество писателя во время социальной катастрофы зависит от того, как он воспринимает её и в какой мере она затронула его личную, классовую и национальную жизнь.

Основная часть. В первые же дни войны Н. Гумилёв пошел в армию добровольно и был зачислен в лейб-гвардии Уланский полк. Считается, что именно военный опыт (как и у Лермонтова на Кавказе) был решающим в его личностном и творческом становлении, о чём свидетельствуют и «Записки кавалериста», которые оперативно печатались в газете «Биржевые ведомости» (с 3 февраля 1915 года до 11 января 1916 года прошло 17 публикаций). Их считали отдельными корреспонденциями, где описаны разрозненные боевые эпизоды с участием писателя. К этому склонял и подзаголовок: «От нашего специального военного корреспондента». Позднее архивные материалы позволили сделать вывод, что «Записки...» первоначально были задуманы автором как документальная повесть обо всех важнейших событиях первого года его участия в войне. Исследователи отмечают точность и ответственность Гумилёва и считают, что в «Записках» нет ни одного выдуманного или приукрашенного в пользу автора эпизода [1]. Некоторые характеристики текста допускают мнение, что с начала службы в Уланском полку Гумилёв вел подробный дневник, судьба которого неизвестна. Во времени и пространстве «Записок кавалериста» Н. Гумилёв предстаёт не только как гражданин, исполняющий патриотический долг, но и как яркая человеческая и творческая индивидуальность.

Долгие месяцы поэту пришлось воевать на белорусской земле, в том числе на территории современного Ивацевичского района. Это придаёт нашему исследованию, кроме когнитивного, и ценностный, личностный смысл. Что касается «социального» времени и пространства, то нас интересуют прежде всего события августа — начала сентября 1915 года. 11 августа начался отход войск от Буга на Кобрин и далее на Слуцк. В это время (видимо, с 6-го по 10-е августа) Гумилёв на несколько дней выезжал в Петроград. Они с Ахматовой оспинавливались в Царском Селе, посетили благотворительный вечер, устроенный Ф. Сологубом в пользу сырьевых революционеров. Ахматова читала стихи, Гумилёв не читал, так как счёл неудобным выступать в военной форме. Спустя несколько дней он вернулся в полк, продолжавший отход вдоль Буга. 1 сентября эскадрон, в котором служил Гумилёв, был оставлен у д. Козики прикрывать единственную дорогу. Затем уланы отошли за Огинский канал. Во время отхода армии Козики и другие деревни были подожжены. Со 2-го по 4-е сентября Уланский полк стоял в Логишине, ведя наблюдение за каналом, и до конца года оставался на этих позициях. Гумилёв же 22-го сентября был откомандирован в школу прапорщиков и уехал в Петроград.